ПадшийГрешник и Рассеянная Невинность

Fallzyx Sinn

Падший Грешник и Рассеянная Невинность

https://litres.ru/73580603
SelfPub; 2026

Аннотация

Феликс Франсуа Аббатов — человек-тигр с глазами-хамелеонами и даром видеть смерти задолго до того, как они случаются. Он родился в любви, но жизнь отняла у него всё: мать, отца, детство, право на слёзы. Восемь личностей. Восемь клятв. Восемь тотемов. Одна душа. Это история о том, как доброта становится оружием, а жестокость — единственным способом выжить. О цене любви в мире, где любовь всегда заканчивается смертью. О том, можно ли простить себя, если внутри тебя живёт чудовище. И о том, что даже у самого страшного грешника есть шанс умереть со слезами на глазах. «Изгнанный становится избранным».

Содержание

ПРОЛОГ: Дитя лучей 4
ГЛАВА 1: Жертва правосудия 11
ГЛАВА 2: Бездна ужаса и отчаяния 22
ГЛАВА 3: Дом, милый дом 33
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Падший Грешник и Рассеянная Невинность

ПРОЛОГ: Дитя лучей

Темно. Абсолютно темно. Ни света, ни звука, ни движения. Только глубокая, первозданная тишина, в которой ещё нет ничего – даже самого себя.

Но тишина не бывает вечной.

Где-то далеко, за границей небытия, зарождается первый звук. Сначала он похож на гул, на вибрацию, на дрожь самой пустоты. А потом – свет. Он не врывается, не ослепляет. Он приходит медленно, как понимание, как пробуждение после долгого сна без сновидений.

Первое, что чувствует новорождённый – это тепло. Не просто температура тела, а тепло, пропитанное чем-то большим. Чем-то, что позже назовут любовью.

И в этом тепле рождается шёпот. Тихий, почти неслышный, но от него останавливается всё вокруг, даже время.

– Вот он… Мой малыш… – голос женщины дрожит, но не от слабости – от счастья, которое невозможно вместить в одно сердце. – Мой самый родной… Самый близкий мальчик…

Она прижимает его к себе так осторожно, будто он сделан из первого утреннего света. Её руки ещё не знают, сколько раз им придётся сжиматься в бессилии, сколько раз они будут искать его во тьме. Сейчас они просто держат. Держат так, как держат единственное чудо в своей жизни.

– Взгляни, он открывает глазки!..

Тишину разрывает первый крик. Он пронзителен, но в нём нет боли – только удивление. Удивление от того, что мир существует, что в нём есть воздух, свет и чьё-то бешено бьющееся сердце рядом.

Где-то совсем близко, почти в унисон с этим сердцем, бьётся другое – тяжёлое, радостное, мужское. И через мгновение пространство наполняется голосом отца – громким, счастливым, почти детским в своей непосредственности:

– Сын!! У меня Сын!!

Этот крик взлетает выше деревьев, выше облаков, выше самого солнца. И солнце отвечает.

За несколько часов до этого рождения над полем, где собралось всё племя, прошёл короткий, но щедрый дождь. Он был тёплым, летним, таким, после которого воздух становится прозрачным, как хрусталь. Дождь танцевал с солнцем – они не мешали друг другу, они вместе создавали нечто невозможное: свет, пронизанный каплями, и капли, наполненные светом.

Теперь, когда дождь закончился, солнце стояло высоко, и каждая травинка, каждый лист, каждый лепесток полевых цветов сиял тысячами маленьких солнц – капель, ещё не успевших упасть на землю.

Вокруг, на почтительном расстоянии, стояло всё племя. Люди-тигры, пришедшие встретить новую жизнь. Они не шумели, не мешали – они просто были рядом, дышали одним воздухом с этим моментом. В центре, чуть впереди остальных, стоял Ив Го – вождь. Ему было сорок лет, возраст мудрости и силы, и сейчас его суровое обычно лицо смягчилось той редкой улыбкой, которую заслуживает только чудо.

Никто не произносил ни слова. Слова были не нужны. Всё уже сказала природа.

А она говорила громко и нежно одновременно.

Где-то в глубине леса, скрытая от глаз, но слышимая каждым, куковала кукушка. Её голос был ровным, размеренным, будто она считала годы, отпущенные этому ребёнку. Сколько она насчитала – никто не знал. Но в её пении не было печали – только принятие того, что должно случиться.

Вокруг, в траве, в кустах, в воздухе – везде трепетали насекомые. Стрекозы, ещё мокрые после дождя, расправляли крылья и взлетали, сверкая на солнце всеми цветами, которым только можно дать имя. Кузнечики начинали свою бесконечную песню, и в ней не было суеты – только ритм самой жизни.

А с листьев, с травинок, с лепестков – отовсюду – падали капли. Но они не просто падали. Они звенели. Каждая встреча с землёй рождала крошечный, почти неслышный звук, но вместе эти звуки складывались в мелодию. В мелодию утренней росы, которая знает, что её время коротко, и потому звенит так чисто, так отчаянно и так прекрасно.

Запах. Его невозможно забыть, даже если проживёшь сто лет.

Свежая трава, только что омытая дождём, пахла так, будто мир создали заново только этой ночью. Этот запах был густым, плотным, его можно было пить – и хотелось пить бесконечно. К нему примешивался тонкий, едва уловимый аромат полевых цветов – тех самых, что росли вокруг и теперь, унизанные каплями, казались драгоценностями, рассыпанными по зелёному бархату.

И поверх всего этого – запах дождя. Не просто мокрой земли, не просто воды, а именно дождя – того самого, который только что прошёл и оставил после себя чистоту, пронизанную светом.

Мать, Амелия, смотрела на сына.

Её глаза были зелёными. Не просто зелёными – они были цвета молодой листвы после дождя, цвета той самой травы, что пахла свежестью, цвета надежды, которой предстоит пройти через многое. Сейчас в этих глазах стояли слёзы. Но не от горя. От переполненности.

– Я ещё никогда не была так счастлива… – прошептала она, и в этом шёпоте было больше смысла, чем в тысячах книг, написанных мудрецами.

Она наклонилась к малышу, коснулась губами его лба – и

в этот момент солнце, будто только этого и ждало, вышло из-за последнего облачка и осветило их обоих. Осветило так, что на мгновение показалось – они сами светятся.

Ребёнок, которого назовут Феликсом, ещё не знал, что его ждёт. Он не знал, что этот запах травы и дождя будет сниться ему в кошмарах. Что этот свет станет тьмой. Что голос матери, которая сейчас шепчет слова любви, однажды замолкнет навсегда, а он будет кричать её имя в пустоту.

Он не знал ничего.

Он просто лежал на руках у самой прекрасной женщины в мире, вдыхал запах свежести, слушал кукушку, считающую годы, и смотрел в зелёные глаза, которые обещали ему всё.

А обещать они могли многое. Но не всё в их власти.

Где-то в глубине леса, в тени, которую не мог разогнать даже этот яркий свет, что-то дрогнуло. Что-то, чему ещё не было имени, но что уже знало: этот ребёнок – его.

Но это будет потом. Гораздо позже.

А пока – солнце, трава, капли, запах дождя, любящие глаза, сильные руки отца, молчаливое уважение племени, и ку-

кушка, всё ещё считающая годы.

Сколько она насчитала?

Сорок.

Ровно сорок.

Конец Пролога.

ГЛАВА 1: Жертва правосудия

Часть 1. Детский сад: три года тишины

Первое, что запомнилось – чужие спины.

Они были везде. Маленькие, неуклюжие, в разноцветных кофточках и штанишках, но всегда – спины. Никто не смотрел в лицо. Никто не подходил. Никто не протягивал руку, чтобы взять за ладонь и повести к песочнице, где строят замки из мокрого песка.

Феликс приходил в детский сад каждое утро. Воспитательница улыбалась, гладила его по голове, говорила что-то ласковое – но её слова таяли в воздухе, не долетая до сердца. Он проходил внутрь, останавливался у порога и смотрел.

Дети играли. Кричали. Бегали. Ссорились из-за игрушек и тут же мирились. Они жили.

А он стоял.

Иногда он делал шаг вперёд. Подходил к группе, пытался встать рядом, улыбнуться, сказать что-то – но слова застре-

вали в горле, а дети… дети просто отворачивались. Не со зла. Они были слишком маленькими, чтобы понимать зло. Они просто не видели его. Будто он был прозрачным. Будто его не существовало.

Бывали дни, когда кто-то из них всё же замечал. Тогда малыш подходил ближе, разглядывал Феликса с любопытством, трогал его уши, дёргал за хвост. Феликс терпел. Он думал: «Сейчас, сейчас он заговорит, и мы будем играть».

Но всё заканчивалось иначе.

Любопытство быстро перерастало в непонимание, непонимание – в раздражение. Дети ещё не умели говорить правильно, их слова были корявыми, обрывочными, но смысл угадывался без труда:

– Ты… не такой… – мычал кто-то.
– Уши как у зверя… – добавлял другой.
– Иди отсюда.

А потом начинались толчки. Не злые – просто отстраняющие. Ладошки упирались в грудь, толкали, выталкивали из круга. Иногда кто-то замахивался, попадал по лицу. Не больно – для взрослого. Но для трёхлетнего ребёнка, который просто хотел играть, это была целая вселенная боли.

Феликс падал. Вставал. Отряхивался. И снова оказывался один.

Он не плакал. Мама говорила, что плакать можно, но здесь, в этом месте, слёзы почему-то не приходили. Вместо них приходила тишина. Та самая тишина, которая потом поселится в нём навсегда.

За окном светило солнце. Оно было тёплым, ласковым, таким же, как в день его рождения. Оно не знало, что происходит внутри этого ребёнка. Оно просто грело.

Иногда шёл дождь. Капли стучали по стеклу, и Феликс подолгу смотрел на них, провожая взглядом каждую, пока она не исчезала, сливаясь с другими. Дождь был честнее солнца. Он не притворялся, что всё хорошо.

Воспитательница говорила маме: «Ваш мальчик очень тихий. Почти не играет с другими. Но это нормально, дети все разные».

Мама улыбалась. Верила.

Феликс молчал.

Но была в его жизни одна тайна. Одна способность, о которой не знал никто – даже родители.

Это открылось случайно. Канун Хэллоуина, золотая осень, сухие листья хрустят под ногами так громко, что заглушают даже мысли. Феликс, ещё маленький, ещё не сломленный, бегал во дворе в плаще, который резвился на ветру, приятно щекоча лицо.

Он смеялся. Громко, искренне, по-детски.

Потом упал в кучу листьев, раскинув руки, и долго смотрел в небо. Оно было серым, предзимним, но для него – самым красивым на свете.

И вдруг он почувствовал тепло. На ладони.

Феликс сел, посмотрел на руку. Ничего необычного. Просто ладонь. Но она горела – не больно, а приятно, как будто внутри зажглась маленькая свеча.

Он нахмурился, сжал в кулак горсть листьев.

Они вспыхнули мгновенно. Ярким, светлым, солнечным огнём, который не обжигал его, а ласкался, будто признавая хозяина.

Феликс вздрогнул, выронил пепел. Посмотрел на свою руку, потом на кучу листьев рядом. Направил ладонь – и огонь послушно перекинулся на них, вспыхнув маленьким костром.

Сердце забилось часто-часто. Не от страха – от восторга.

Он вскочил и побежал в хижину.

– Мама! Мамочка! – закричал он с порога. – Хочешь покажу тебе, что могу?

Мама вздрогнула, обернулась от печи, где готовила обед. Увидела его раскрасневшееся лицо, счастливые глаза – и улыбнулась.

– Да, конечно. Но обязательно сейчас, Фель? Я готовлю обед.

– Да, да, обязательно!

– Ох, может быть, папе покажешь?

– Папа занят, он дрова колет!

– А, ну ясно… Тогда хорошо, показывай.

– А у нас есть что-то, что может гореть?

– Ну, есть камин… Как раз хотели растопить.

Феликс подбежал к камину, направил руку – и дрова вспыхнули ровным, красивым пламенем.

Мама замерла. Её глаза расширились, лицо побледнело.

– О-очень хорошо, Феликсуша… – выдохнула она. – Но… как?

– Ну… я сам не знаю. Как-то само вышло.

Она сглотнула, взяла себя в руки. Материнский инстинкт сказал ей: не пугай ребёнка. Не показывай, что это странно. Пусть думает, что так и надо.

– Кхм… Позже поможешь отцу с дровами разобраться, хорошо?

– Зачем?

– Чтобы растопить баню, например…

– Мам.

– М?

– У нас нет бани.

Она моргнула. И вдруг рассмеялась – от облегчения, от неловкости, от любви к этому странному, удивительному мальчику.

– А, да, да… Ну, тогда поможешь Старейшине Ив Го разжечь мусор?

– Вот это уже другое дело!

Она подошла, потрепала его по рыжим волосам.

– Умничка. Беги скорее. Тебя уже ждут.

– Хорошо, мама!

Он выбежал во двор, счастливый, окрылённый. А мама долго стояла у камина, глядя на огонь, который зажёг её сын.

Огонь горел ровно. Красиво. Почти свято.

Она не знала, что через несколько лет этот же огонь станет чёрным.

И сожжёт всё.

Часть 2. Школа: пустое место

В шесть лет он пошёл в школу.

Мама купила новую форму, собрала рюкзак, поцеловала в лоб и сказала: «Теперь ты большой. У тебя появятся друзья».

Феликс кивнул. Он уже не верил в друзей, но маме не хотелось перечить.

Школа оказалась больше детского сада. Громче. Холоднее. Здесь дети уже умели говорить – и говорили много. Слова стали острее, точнее, обиднее.

– Смотрите, у него хвост!
– И уши, как у кота!
– Может, он вообще не человек?

Смех. Тычки. И снова – спины.

Феликс садился за парту один. Никто не подсаживался к нему, никто не просил списать домашнее задание, никто не звал играть на перемене. Учителя ставили его в пример за тихое поведение, но в этих похвалах не было тепла – только констатация факта.

«Феликс не мешает. Феликс не шумит. Феликс – идеальный ученик».

Идеальный ученик, у которого нет ни одного друга.

Он привык. Привык приходить в класс, садиться на своё место, смотреть на доску, отвечать, получать оценки и уходить домой. Между этими точками не было ничего. Пустота.

Иногда, очень редко, кто-то из детей пытался заговорить. Не со зла – из любопытства. Они подходили, смотрели на его уши, трогали их, задавали вопросы. Феликс отвечал. Пытался шутить. Улыбался.

Но это длилось недолго. Через несколько минут любопытство проходило, и ребёнок возвращался к другим. Феликс оставался один.

Он не злился. Он понимал: они просто не знают, как с

ним быть. Он другой. А другое всегда пугает, даже если это другое – просто ребёнок, который хочет играть.

За окном снова светило солнце. И снова шёл дождь. Они чередовались, как сменяли друг друга дни в его жизни – одинаковые, пустые, бесконечные.

Иногда он думал о собаке. О Христе.

Христ появился, когда Феликсу было шесть. Большой, чёрный, с подпалинами, французский босерон – порода, выведенная для защиты. Христ был щенком, который сразу выбрал Феликса. Не маму, не папу, не братьев – именно его.

Они стали неразлучны. Христ ждал у калитки каждый день, когда Феликс возвращался из школы. Он вилял хвостом, тыкался носом в ладонь и смотрел так, будто говорил: «Я здесь. Я всегда здесь».

С ним не нужно было говорить. С ним можно было просто сидеть, прижавшись к тёплому боку, и слушать, как бьётся ещё маленькое собачье сердце. Оно билось ровно, уверенно, обещая, что пока оно бьётся – ничего плохого не случится.

Но сердце Христа однажды остановится. Феликс ещё не знает об этом. Пока он просто гладит пса по голове, зарыва-

ется пальцами в густую шерсть и чувствует, что в этом мире есть хоть кто-то, кто рад ему просто так. Без условий. Без вопросов. Без страха перед его ушами и хвостом.

Христ лижет его руку. Феликс улыбается.

Это его единственная улыбка за день.

А за окном – солнце. Или дождь. Уже неважно.

Конец Главы 1.

ГЛАВА 2: Бездна ужаса и отчаяния

Часть 1. Тишина перед бурей

Девять лет – это возраст, когда мир ещё кажется большим и добрым. Когда веришь, что мама будет рядом всегда, что папа сильнее всех на свете, что братья… Что братья просто устали, просто злятся, просто не понимают.

Феликс верил в это. Он хотел верить.

Лео и Тео появились в их семье задолго до его рождения. Близнецы, неразличимые, как две капли воды – одинаковые лица, одинаковые уши, одинаковые хвосты, одинаковые холодные глаза. Их родители погибли: кто-то говорил – самоубийство, кто-то – пропали без вести. Аббат и Амелия, с их бесконечной добротой, взяли мальчиков к себе, вырастили, окружили заботой.

Но доброта не всегда рождает доброту.

Лео и Тео росли капризными, вредными, эгоистичными. Они не знали благодарности – только страх, что их разлюбят, что их место займёт кто-то другой. И когда родился Феликс,

этот страх превратился в ненависть.

– Теперь они будут любить только его, – шептал Лео брату.
– Он заберёт всё, – кивал Тео.

Они пытались уничтожить его. Не сразу, не грубо – исподтишка. Толкали, когда никто не видел. Щипали, дёргали за хвост, обзывали, пока взрослые не слышали. Но Феликс был живуч. Он падал – и вставал. Плакал – и вытирал слёзы. Мама гладила его по голове, и боль уходила.

Она всегда уходила, когда мама была рядом.

До того дня.

Часть 2. Девять лет, тишина

Это был обычный день. Солнце светило так же, как в день его рождения, трава пахла так же, как тогда, в поле. Феликс вернулся из школы, открыл дверь хижины и сразу почувствовал – что-то не так.

Слишком тихо.

– Мам? – позвал он. – Я дома.

Никто не ответил.

– Мам? Ты здесь?

Тишина. Такая плотная, что её можно было трогать руками.

Феликс прошёл в гостиную, остановился у порога. И увидел.

Амелия лежала на полу. Её глаза, были закрыты.

– Мама… – голос сорвался. – Мама! Мама!! МАМА!!!

Он упал рядом, тряс её за плечи, кричал, звал, умолял открыть глаза. Она не открыла. Она никогда больше не откроет их.

Её тело было ещё тёплым. Но душа уже ушла.

Феликс кричал долго. Пока не охрип, пока слёзы не кончились, пока внутри не образовалась та самая пустота, которая потом станет его домом.

Он не знал, кто это сделал. Он не знал, что за этим стоял лис, что мать убила часть его собственной души, что правда

будет скрыта ещё через тридцать лет.

Он просто сидел на полу, прижимаясь к мёртвой маме, и качался в такт собственному дыханию.

А где-то в тени улыбался лис.

Часть 3. Уроки крови

После смерти матери всё изменилось.

Отец, Аббат, пытался держаться. Он работал, помогал племени, но в его глазах поселилась та же пустота, что и у Феликса. Он не замечал, что происходит с сыном. А может, не хотел замечать.

Лео и Тео воспользовались этим.

– Иди сюда, маленький урод, – звали они, когда отца не было дома. – Садись делать уроки.

Феликс садился. Он надеялся, что если будет послушным, они оставят его в покое.

Не оставляли.

Каждый вечер превращался в ад. Братья садились рядом, смотрели в его тетради и находили ошибки. Даже если их не было, они их находили.

– Идиот! – кричал Лео и бил по голове. – Ты даже писать не умеешь, придурок!

– Смотри, как надо! – добавлял Тео и тыкал ручкой в глаз.

Кровь капала на страницы. Слёзы смешивались с кровью, и от этого становилось только хуже – потому что слёзы были запрещены. Отец сказал: не плачь. А он плакал. Каждый раз.

Руки дрожали так сильно, что невозможно было держать ручку. Братья смеялись, били сильнее, заставляли переписывать страницы снова и снова.

– Умри, ничтожество! – шипел Лео, замахиваясь в очередной раз.

Феликс молчал. Терпел. Ждал, когда это кончится.

Иногда он думал о Христе. Собака ждала его на улице, скулила под дверью, но войти не могла. Босероны – умные псы, они чувствуют боль своего человека. Христ чувствовал. И ненавидел братьев так же сильно, как Феликс ненавидел

себя за то, что не может дать отпор.

Но он не мог. Он был слишком мал. Слишком слаб. Слишком одинок.

А близнецы продолжали. День за днём. Неделя за неделей.

Часть 4. Правда и смерть

Аббат узнал случайно.

Однажды он вернулся домой раньше обычного и застал сцену, от которой у него остановилось сердце. Лео и Тео избивали Феликса в его же комнате. Кровь на полу, на стенах, на тетрадях – везде.

– Что вы делаете?! – закричал Аббат.

Братья замерли. Феликс поднял голову. Его лицо было в синяках, но он не плакал.

Аббат вышвырнул близнецов из комнаты, сел рядом с сыном, обнял его. Впервые за долгое время.

– Почему ты не сказал мне? – спросил он дрожащим голосом.

Феликс молчал. Что он мог сказать? Что боялся? Что боялся, что отец тоже начнёт бить? Что боялся остаться совсем один?

– Никогда, – прошептал Аббат, глядя ему в глаза. – Никогда не плачь, чтобы ни случилось с тобой, со мной, слышишь? Ты обещаешь мне?

Феликс кивнул.

– Ни-ко-гда, пообещай мне, – повторил отец.

Это была клятва. Самая страшная в его жизни.

Аббат вышел из комнаты. Он хотел поговорить с близнецами, пристыдить их, наказать – он ещё не знал, что разговора не будет.

Через час Лео и Тео нашли его. Они договорились заранее: если отец узнает, его нужно убрать. Они не хотели терять тепло, которое получали от него – даже если сами не умели давать тепло в ответ. Они хотели, чтобы всё оставалось как есть. Чтобы Феликс страдал. Чтобы они были главными.

Ссора вспыхнула мгновенно. Аббат кричал, требовал объяснений. Близнецы огрызались, переходили на оскорбления. А потом Лео схватил нож.

Тео помогал. Вдвоём они справились быстро.

Аббат упал на пол, глядя в потолок пустыми глазами. Такими же пустыми, как у Амелии несколько месяцев назад.

В этот момент в хижину вошёл Феликс.

Он увидел всё. Отца на полу. Братьев с ножом. Кровь – снова кровь – везде.

И что-то в нём надломилось окончательно.

Часть 5. Каннибал

Он не помнил, как это произошло.

Помнил только вспышку. Бешеную, всепоглощающую ярость, которая выжгла всё остальное. Помнил, как бросился на братьев, как бил, кусал, рвал зубами – теми самыми, которые мама когда-то называла «жемчужинками». Помнил вкус крови. Своей и их. Помнил, как они кричали – и как быстро перестали.

А потом была тишина.

Он стоял посреди хижины, тяжело дыша. Вокруг него лежали куски тел. Его братьев. Тех, кто мучил его годами. Тех, кто убил отца.

И он не плакал.

– Прости, папа… – шептал он сквозь разорванное дыхание. – Прости… я не смог… я не хотел…

Но отец уже не слышал.

Часть 6. Свидетели

Крики из хижины услышали в племени. Люди прибежали через несколько минут – и застыли в дверях.

Картина, которую они увидели, запомнилась им навсегда.

Маленький мальчик, весь в крови, стоял посреди комнаты. Вокруг него – то, что осталось от его братьев. На полу – тело отца. А мальчик смотрел на них пустыми глазами и не говорил ни слова.

Они решили, что он – жертва. Что кто-то чужой ворвался, убил всех, а Феликс чудом выжил и стал свидетелем. Иначе и быть не могло. Такой маленький, такой хрупкий – разве мог он сам?

Феликс не стал их переубеждать.

Пусть думают что хотят. Он знал правду. И эта правда теперь будет жить в нём всегда.

Вождь Ив Го подошёл к нему, осторожно взял на руки. Феликс не сопротивлялся. Он вообще перестал что-либо чувствовать.

– Всё хорошо, мальчик, – сказал Ив Го. – Ты в безопасности. Мы позаботимся о тебе.

Феликс посмотрел на него и впервые за долгое время подумал:

«Безопасности не существует. Нигде. Никогда».

Но вслух ничего не сказал.

За окном светило солнце. Такое же яркое, как в день его рождения. Оно не знало, что случилось в этой хижине. Оно

просто грело.

Феликс закрыл глаза.

Конец Главы 2.

ГЛАВА 3: Дом, милый дом

Там, где должно быть тепло, иногда холоднее всего.
Fallzyx Sinn

Часть 1. Пустота ищет стены

После смерти Аббата и братьев Феликс замолчал.

Не просто перестал говорить – он ушёл внутрь себя, в ту чёрную комнату, где не было ни боли, ни страха, ни надежды. Только тишина. Густая, вязкая, надёжная.

Племя не знало, что с ним делать. Детей, потерявших родителей, здесь обычно пристраивали к родственникам. Но у Феликса не осталось родственников. Близнецы были приёмными, их настоящая семья давно исчезла. Амелия и Аббат – единственные, кто мог бы защитить его – лежали в земле.

Ив Го, вождь, взял эту заботу на себя.

– Я найду ему новый дом, – сказал он совету старейшин.

– Ребёнок не должен быть один.

Он ходил по племени, рассказывал о мальчике, объяснял, что тому нужны родители. Многие слушали, качали головами, вздыхали – но никто не соглашался. Слишком странная история. Слишком тёмная. Слишком много смертей вокруг этого ребёнка.

Феликс сидел в углу временного жилища, обхватив колени руками, и смотрел в стену. Он слышал разговоры. Понимал, что его не хотят брать. И внутри, в той самой чёрной комнате, что-то согласно кивало: «Конечно, не хотят. Кому ты нужен?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.